

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Золотое притяжение

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Золотое притяжение

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Золотое притяжение / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2018 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-091253-7

Чиновник военного ведомства Дмитрий Рябов найден мертвым. По предварительной версии следствия, он покончил с собой. Однако полковник Гуров с таким заключением не согласен. Он уверен, что Рябова убили. Но кто и за что? Сыщики выясняют, что чиновник имел дело с фирмой, работающей на оборонку, где с помощью доверенных лиц проворачивал крупные денежные махинации. Вычислить и схватить соучастников – дело техники. Но именно в этот момент Гуров понимает, что сам попал в ловушку и находится на волосок от смерти. Спасти его может только чудо или... старые криминальные связи.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091253-7

© Леонов Н. И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Николай Леонов

Золотое притяжение

© Макеев А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Глава 1

– Ты совсем охренел?

– А что такого?

– Да нет, ничего! Домой он явился! Простой! Ты бы еще на работу ко мне пришел. В кабинет. На прием бы записался по личному вопросу.

– Дмитрий Петрович, я...

– Я уже пятьдесят лет Дмитрий Петрович! Что, по телефону нельзя было поговорить?..

На площадке третьего этажа одной из элитных московских многоэтажек стояла молодая девушка. На лице ее отражалось недоумение, она не знала, как ей поступить.

Двойная дверь, ведущая в ее квартиру, была открыта, можно сказать, наполовину. Внешняя – широко распахнута, внутренняя – плотно прикрыта. Из-за нее доносились оживленные голоса собеседников, и девушка, вынужденная невольно подслушивать, чувствовала себя неловко. Поколебавшись, она решила снова спуститься вниз, чтобы переждать этот эмоциональный и, по-видимому, неприятный разговор отца с каким-то гостем. Но то, что она услышала дальше, заставило ее переменить намерение.

– Зачем по телефону? Я, наоборот... я хотел как лучше. Чтоб по-тихому все, келейно, между своими.

– Между своими? Тамбовский волк тебе свой.

– Обижаете, Дмитрий Петрович! Мы для вас расстарались, все в лучшем виде обделали. Люди расчет ждут.

– Ждут? Да с них за такие дела с самих денег надо взять, с людей твоих. Цену, да и неустойку еще. Обделали они. Вот именно, что обделали. Так обделали, что и захочешь, хуже не измажешь. Самоубийство, вашу мать! Три раза сам себя ножом пырнул! Самоубийца!

– Дмитрий Петрович...

– Знаю, что я Дмитрий Петрович! Связался с вами, дураками, на свою голову. Мне теперь только для того, чтобы в изоляторе дело замять, немерено отстегнуть придется. Расчета они ждут! Расчет только вполтину.

– Дмитрий Петрович!

– И это еще много. Деятели, вашу мать! По-хорошему бы вас, таких деятелей... Ладно. Вечером зайдешь к Юре, он тебе отдаст. И чтоб я тебя больше не видел. А еще раз домой сунешься...

– Да понял я, понял.

– Иди.

Внутренняя дверь квартиры открылась, и оттуда показался приземистый плотный мужчина в спортивном костюме. Воровато оглядев абсолютно пустую в этот момент площадку, он спустился по лестнице вниз, подошел к серой «девятке» и, сев за руль, выехал со двора.

Через несколько минут из того же подъезда вышел солидный седовласый господин и сел в представительский «Мерседес», ожидавший возле дома.

И только после того, как блистающая черным лаком машина скрылась из виду, с площадки четвертого этажа спустилась заплаканная девушка и вошла в квартиру.

Некоторое время она бесцельно ходила из угла в угол, то и дело натываясь на предметы из-за слез, застилавших глаза, потом прошла в кухню. Открыв небольшой шкафчик, стала перебирать упаковки с таблетками и, найдя то, что ей было нужно, подошла к холодильнику. Когда отец обедал дома, он всегда выпивал стопочку «для аппетита» и любил, чтобы водка была холодной. Она достала бутылку, наполнила до краев прозрачной жидкостью большую чайную кружку и начала одну за одной выковыривать запаиваемые в пластик таблетки. Набрав полную горсть глянцевитых коричневых горошин, закинула их в рот и отхлебнула из кружки.

Горькая влага не пошла внутрь, лишь опалила гортань. Девушка закашлялась, таблетки изо рта посыпались на пол. Поняв, что так ей не добиться желаемого эффекта, она собрала таблетки и стала глотать их по одной, запивая жгучей отравой...

Телефон зазвонил в самый неподходящий момент. Гуров хотел сразу нажать на сброс, показывая непрошеному абоненту, что очень занят, но, взглянув на экран, увидел, что звонит Орлов.

– Алло, – недовольным тоном проговорил он в трубку, давая понять, что его побеспокоили очень некстати.

– Лева! – возбужденно проговорил генерал. – Ты сейчас где?

– То есть как это, где? По банку работаем со Стасом. Вы же сами нам поручили это дело. «Архиважное» и «архисекретное». Я, между прочим, сейчас свидетеля допрашиваю. Тоже очень «архиважного».

– Бросай свидетеля, Лев, Крячко допросит. У нас ЧП!

– Что там опять?

– Самоубийство. Да не простое. Крупный чин из Минобороны, «большая шишка». Дуй сейчас на Троекуровское, проследи там, чтобы все как следует осмотрели. Сам понимаешь, с такими персонами...

– Понимаю, – буркнул Гуров, очень недовольный, что его дергают с одного дела на другое. – А почему сразу на кладбище? Его что, уже хоронят?

– Почти. Дочь у него там. Недавно похоронил. А потом и сам... В общем, на ее могиле он застрелился, по моим предварительным сведениям. Группа уже на месте, но у них приказ – до твоего появления ничего не трогать. Так что поторопись. В том, что это самоубийство, думаю, можно не сомневаться, но проконтролировать не мешает. Ты человек опытный, тебе и карты в руки. А как закончите там, подъедешь в Управление, я тебе основную раскладку по этому делу разложу. Лады?

– Лады.

Нахмурившись, Гуров вышел из небольшого кабинета, где допрашивал свидетеля, и постучал в соседнюю дверь. Там с еще одним свидетелем работал Крячко.

– Слушай, Стас, тебе с этим товарищем долго еще? – поинтересовался Лев, когда Крячко вышел в коридор.

– Не знаю. Не очень. А что стряслось?

– Орлов только что позвонил. Опять у него ЧП. Мне уехать нужно. Закончишь со своим, будь другом, возьми моего в нагрузку. А в другой раз я тебя выручу. Настоящие друзья должны помогать друг другу.

– Правда? А кто мне невосполнимые затраты времени возместит? Не говоря уже о нечеловеческом напряжении сил.

– Ладно, Стас, не валяй дурака! Там срочно. Я сейчас скажу своему, чтобы он подождал немножко, минут... минут... сколько?

– Сорок.

– Ладно, пятнадцать. Скажу ему, чтобы он минут пятнадцать подождал, а потом ты с ним поработаешь. Договорились?

– Нет, с этим надо что-то делать. Уже буквально на шею садятся все кому не лень. И почему это я так безропотно позволяю себя эксплуатировать?

– Спасибо, Стас, ты настоящий друг.

Дружески похлопав коллегу по плечу, полковник вышел из теплого и сухого офиса в промозглую осеннюю мглу.

Он не испытывал ни малейшего восторга по поводу своего нового задания и с удовольствием поменялся бы местами с Крячко. Ноябрь в этом году выдался на редкость дождливый

и холодный, и перспектива провести несколько часов среди могил и атмосферных осадков его совсем не прельщала.

Приехав на Троекуровское кладбище, Гуров без особого труда разыскал нужное ему захоронение. Там уже дожидались оперативники.

– Здорово, ребята! – приветствовал их полковник. – Так что здесь у вас интересного?

Впрочем, вопрос был излишним. Все «интересное» находилось прямо перед глазами.

На довольно большом участке, несомненно, предназначенном для нескольких захоронений, в данный момент были две могилы. Над одной из них, обустроенной и обихоженной, возвышалось мраморное надгробие с портретом женщины и надписью: «Рябова Людмила Николаевна».

Вторая могила была совсем свежей и памятника пока не имела. На ней не было даже традиционных искусственных венков и цветов, всегда остающихся после траурной церемонии.

У края земляного холма стоял лишь простой деревянный крест. На нем виднелась табличка, из которой можно было узнать, что здесь лежит Рябова Ольга Дмитриевна.

Но сейчас поверх земляной насыпи лежал крупный мужчина с проседью в темных волосах, и рядом с этой картиной надпись на табличке выглядела странным противоречием.

– Мы уже можем работать? – спросил кто-то из оперативников.

– Да, конечно. Конечно, ребята, начинайте. Вы на меня не обращайте внимания, я тут... я разберусь, – махнул рукой Гуров.

Разобраться действительно было необходимо.

Он хорошо запомнил, что в телефонном разговоре генерал упоминал о самоубийстве. Даже утверждал, что в этом можно не сомневаться. Но сейчас, внимательно осматривая лежавший лицом вниз труп мужчины, Лев подмечал разные незначительные детали, которые невольно вызвали вопросы. И чем дольше он всматривался, тем явственнее выступали эти мелкие детали и тем настойчивее требовали ответа эти вопросы.

«Самоубийство. Да, – размышлял полковник. – Что ж, с виду похоже. Безутешный отец застрелился на могиле безвременно почившей дочери. Вон и пистолетик у него в руке. Все как положено. Причем, что характерно, так в руке и остался. И после того как пулю себе в висок загнал, и после того как умер, и после того как упал. А пистолетик ничего, нормальный. «Макаров», вполне себе тяжеленький пистолетик. Интересно, настоящий или травматика? Хотя, что касается веса, это без разницы. И тот, и другой лишь чуть-чуть недотягивают до килограмма. Не так уж просто, наверное, удержать такой вес в руках, будучи уже мертвым. Однако ж удалось. Никуда не вылетел, остался на месте. Да и сами руки далеко не всегда удастся вот так аккуратно держать строго по швам. Особенно при падении. Тем более при падении в бессознательном состоянии. И уж тем более в состоянии небытия».

Картина, которую Гуров видел перед собой, нравилась ему все меньше. Слова «большая шишка из Минобороны», сказанные Орловым, он тоже запомнил очень хорошо. И сейчас у него начала болеть голова от одной мысли о том, что будет, когда дорогое начальство узнает, что это «самоубийство» – заказ.

Тем временем оперативники, сфотографировав во всех ракурсах лежавшее на холмике тело с плотно прижатыми по бокам руками и простреленной головой, занялись пистолетом.

– Пистолет Макарова, травматический, – говорил один из них, осторожно вынимая из кисти покойного оружие. – Нужно будет в лабораторию отдать на отпечатки.

– Что-то подсказывает мне, что я уже знаю, чьи они будут, – с усмешкой произнес Лев.

– Само собой, – подтвердил высокий худой парень, возившийся с фотоаппаратом. – Тут и следствие проводить незачем. Бритому ежу понятно, что самоубийство. Так только, формальность...

– Да, наверное, – рассеянно ответил Гуров.

Теперь он осматривал земляную насыпь, на которой лежал труп мужчины. Здесь тоже имелось много разных «но».

Если бы тело упало на могильный холм сверху, как это могло бы случиться при самоубийстве, на влажной земле просто осталась бы вмятина. Но в данном случае возле верхней части туловища виднелся небольшой бугорок, наплыв грунта, а он мог появиться, если бы на холм тело затаскивали волоком.

Пространство возле могил было выложено плиткой, поэтому рассчитывать на то, что какие-то факты удастся установить по следам, не приходилось. Но и тех небольших несоответствий, которые заметил полковник, ему было уже достаточно, чтобы усомниться, что следствие по этому «самоубийству» выльется в обычную формальность.

– Послушайте, ребята, – обратился он к оперативникам. – А сможем мы этого товарища так аккуратненько приподнять, чтобы след, который он здесь оставил, ничем не потревожить? Похоже, в этот раз у нас есть не только отпечатки пальцев, но и отпечаток тела. Согласитесь, случай уникальный. Правильно ли будет его упускать?

Усмехаясь этой необычной просьбе, оперативники подошли к телу с двух сторон и вчетвером, поднатужившись, приподняли его над могильным холмом.

– Во-от так. Вот и чудненько! Отлично! – комментировал Лев их маневры. – Теперь в стороночку его и на спину. Рану тоже нужно хорошенько осмотреть. А ты... как тебя? Зовут как? – повторил он, обращаясь к парню с фотоаппаратом.

– Андрей.

– А ты, Андрюша, поработай-ка с этим «отпечатком», пожалуйста. Да поподробнее. С нескольких ракурсовними и с разных расстояний. Особенно с близкого. Сделай, пока нам тут дождичек все в непролазную кашу не обратил. Видишь, погода какая, след этот и до вечера не продержится. А нам факты нужны.

Влажный туман, с самого утра стоявший в воздухе, действительно перешел в мелкий дождь, который постепенно усиливался.

Поэтому, давая поручение Андрею, Гуров и сам поспешил хорошенько изучить «отпечаток тела», пока его не размыло. В отличие от фотографа, явно недоумевавшего, какие такие «факты» полковник надеется обнаружить во вдавленной земле на свежей могиле, он вновь отмечал для себя много интересного.

В середине отпечатка, там, куда пришлась основная масса тела, наблюдалось обычное, ничем не примечательное углубление, какое оставил бы во влажной земле любой тяжелый предмет. Но в районе кистей рук и ступней ног явственно виднелись характерные «дорожки», которые образуются, когда предмет волокут по земле. Кроме того, сейчас, когда тело убрали, стали еще более заметны наплывы грунта в районе верхней части туловища.

«Похоже, на могилку товарища доставили уже мертвым, – продолжал размышлять Лев, изучая след. – Но убит он действительно выстрелом в голову, тут двух мнений быть не может. Где это могло произойти? Наверняка где-нибудь поблизости. Недавно он похоронил дочь, значит, на могиле бывал часто. Может быть, его просто выследили? Нужно будет сказать экспертам, чтобы постарались определить, с какого расстояния произведен выстрел. Из травмы попасть так точно в висок со ста метров нереально. Стрелявший должен был находиться близко. А если работал профессионал, то он, конечно, должен был постараться выстрелить в упор, как оно и случилось бы при самоубийстве. Это – вариант идеальный, но чтобы осуществить его, нужно быть действительно профессионалом высшего класса. Или близким знакомым».

Оперативники уже заканчивали свою работу, и напоследок Гуров решил осмотреть окрестности могилы, чтобы проверить свое предположение о возможной слежке.

Вскоре он убедился, что при желании укрыться от посторонних глаз на территории кладбища было не так уж сложно. Многочисленные памятники, среди которых встречались настоя-

щие архитектурные ансамбли, создавали большое разнообразие различных укромных мест, где можно было притаиться. Значит, если «большую шишку» из Минобороны кто-то хотел подкараулить или просто понаблюдать за ним, у него была для этого вполне реальная возможность.

Тем временем к могиле подъехал «уазик»-«буханка», чтобы забрать тело. Оперативники тоже собрались уезжать.

– Подвезти вас, Лев Иванович? – спросил один из них.

– Не нужно, ребята, езжайте. Я на машине.

Гурову хотелось поговорить с работниками кладбища, и он направился к зданию, где располагались охрана и сервисные службы.

Шансов узнать что-то конкретное было не так уж много, но дело с самого начала ему не понравилось, поэтому он решил, что не стоит пренебрегать ни одной, даже самой малой возможностью получить дополнительную информацию.

– Добрый день! – проговорил Лев, входя в небольшую комнату, похожую на вестибюль.

В комнате стояли стол и несколько шкафов с бумагами и фотографиями памятников и гробов. Кроме фотографий, здесь находилось и несколько «образцов» в натуральную величину.

За столом сидел пожилой мужчина. Взглянув на отсутствующее выражение его лица и заспанный вид, Гуров почему-то сразу подумал, что это сторож.

– Полковник Гуров, – сказал он, протягивая удостоверение. – Я по поводу трупа, который сегодня здесь обнаружили. Могу я поговорить с тем, кто его нашел?

– Я нашел, – спокойно и без всякого выражения произнес мужчина, даже не взглянув в «корочки».

– Во сколько это произошло?

– Да часа с два... да, часа два назад. Обходил территорию, смотрю – лежит. Я в полицию позвонил. Все.

– Понятно. Вы как-то контролируете, кто посещает кладбище? Можно, например, определять, когда какой-то конкретный человек вошел и когда вышел?

– Шутите? – В сонно-равнодушных глазах мужчины мелькнуло удивление.

– Понятно. Ночью здесь кто-то дежурит?

– Само собой.

– Кто дежурил в эту ночь?

– Я.

– Во время своего дежурства вы не слышали каких-то необычных звуков? Громкие хлопки, петарды?

– Нет, не слышал.

– Понятно. Спасибо, вы мне очень помогли.

Гуров уже хотел было уйти, но тут ему вспомнилась одна деталь на захоронении Рябовых, и он задал еще один вопрос:

– За теми могилами, где обнаружили труп, кто-то ухаживал?

– А как же? Обязательно, – оживился мужчина. – Они и сервис специально заказывали. Все, как полагается. Наши и ухаживали. Обязательно. И наши, и хозяин сам, он тоже следил. Приезжал. Все, как полагается.

– А то, что на второй могиле просто земляная насыпь, это тоже хозяин так распорядился? – прервал Лев неожиданную словоохотливость сторожа. – Там ведь даже венков нет. Немного странно, вы не находите?

– Это у дочки-то его? Как же нет? Были. Были и венки, и цветы всякие. Очень пышно, красиво все у них там было заказано. И музыка была. Как же? Все, как полагается.

– Так куда же все это делось?

– Известно куда. Убрали. А как же? Там ведь измерить все, поровнять нужно. Ставить-то его, памятник этот, не на венки же. Вот и убрали. Это уж как полагается.

– То есть хозяин собирался ставить на могилу дочери памятник?

– Обязательно. Это уж как полагается. Наши и делали. У нас заказал. У нас мастера хорошие, и образцов много. Вон, видите сколько, – кивнул на шкаф мужчина. – Можете посмотреть.

– Спасибо, для меня это пока неактуально. Как-нибудь в другой раз.

Гуров вежливо попрощался и вышел на улицу.

Дождь уже хлестал вовсю. Совершив небольшой спринтерский забег, он заскочил в машину и поехал в Управление.

«Так, значит, он собирался ставить памятник, – по дороге раздумывал Лев. – Что ж, вполне логично. Трогательная память любящего отца, насущные заботы, хотя и печальные, но в целом вполне обыденные и повседневные. На наличие причин для самоубийства пока указывает немного. Скорее наоборот. Как-то нелогично выглядит, что в самом разгаре этих забот, не завершив начатое, человек вдруг решил покончить счеты с жизнью. Впрочем, не будем торопиться с выводами. Послушаем, что скажет генерал».

Доехав до Управления, Гуров сразу прошел в кабинет Орлова.

– А, Лева! Проходи, – приветствовал его генерал. – Ну как там, все в порядке?

– Если под «порядком» подразумевается бесхозный труп, то да.

– Рад, что ты в хорошем настроении, но шутки твои в данном случае неуместны. Дело неприятное. И чем быстрее мы с ним развяжемся, тем спокойнее будем спать. Я-то уж точно. Так что там, на месте? Осмотрели все тщательно?

– Да, вполне. Ребята поработали вполне профессионально, все сфотографировали, пистолет изъяли, отправили на экспертизу. У трупа в голове дырка, так что по поводу причин смерти, думаю, разночтений не возникнет. Правда, лежал он как-то уж чересчур аккуратно, но...

– Не-ет, не-ет! Это ты мне даже не начинай! – замахал руками Орлов. – Я даже слушать не хочу. У человека месяц назад дочь умерла, и я тебе сто свидетелей приведу, которые своими глазами видели, как он страдал, и своими ушами слышали, как он говорил, что теперь ему и жизнь не мила. Так что могу тебе повторить твои же слова – по поводу причин смерти разночтений быть не может. Понятно тебе это слово? Не может.

– Да понятно мне, понятно. Зачем так волноваться?

– А затем. Затем, что мне в отличие от тебя известно, какие люди этим делом интересуются. И мне эти проблемы не нужны. Абсолютно! Понятно тебе это слово? Абсолютно не нужны! И вообще, что это у тебя за манера такая, Гуров, на пустом месте всегда «подоплеку» выискивать? Дело – яснее ясного.

– Так я об этом и говорю, – поспешил подтвердить Лев, уже начинавший уставать от этого шквала эмоций. – В целом все в порядке. Место осмотрели, пистолет отправили на экспертизу.

– В целом. Знаю я это твое «в целом», – недоверчиво поглядывая на полковника, проговорил Орлов. – Ладно. Слушай сюда. Человек этот – Рябов Дмитрий Петрович. Чиновник самого что ни на есть высочайшего ранга. Работал в Министерстве обороны, занимался контрактами на производство военной техники. Конкретно – авиационной. Еще более конкретно – курировал заказы объединенной авиастроительной корпорации. Это несколько очень серьезных предприятий, если ты не в курсе. Можно сказать, вся наша военно-воздушная техника там выпускается. И истребители, и ракетноносцы, и прочее, что на вооружении находится. Хотя не об этом сейчас речь. Просто я тебе хочу объяснить уровень, чтобы ты понял, о каких людях речь идет.

– Да я понял.

– погоди, не перебивай. Так вот, значит, у этого Рябова около месяца назад умерла дочь. Самоубийство.

– Как? И здесь самоубийство? – Удивление полковника было совершенно искренним.

– погоди, не перебивай! Там что-то вроде несчастной любви. У девушки этой был парень, и парню этому однажды сильно не повезло. Он оказался в СИЗО, а в СИЗО, сам знаешь...

– Минуточку! Как-то у меня плохо вяжутся дочка чиновника из Минобороны и парень из СИЗО.

– А ты, похоже, решил, что его за мордобой взяли? – усмехнулся Орлов. – Нет, Лева, за парня ты не волнуйся. У парня этого все в шоколаде было, пока его за руку не схватили. Правда, конкретно в его дело я глубоко не вникал, но в общих чертах могу тебе сказать, что устроен он был неплохо, как говорится, при «кормушке». Тоже, кстати, что-то связанное с военной промышленностью и госзаказами. Вполне возможно, что сам же Рябов будущего зятя и пристроил. Только впрок не пошло. То ли не сориентировался парень вовремя, то ли слишком жадным оказался, только поймали его на нехороших делах. Ну и, соответственно, закрыли. Но по-настоящему не повезло ему даже не в этом. Закрыть-то любого могут, а вот так, чтобы живым оттуда не вернуться, это не с каждым случается.

– Убийство в СИЗО?

– Именно. В одной камере что-то с соседями не поделил, перевели в другую. Но, видно, и там не прижился. В общем, нашли его мертвым, и признаваться, как ты и сам, наверное, понимаешь, никто не спешит. Сокамерники говорят, что было самоубийство, следователи вроде бы склоняются к тому, что убийство, а воз, как говорится, и ныне там. Оно и до сих пор еще не закрыто, дело это, насколько я знаю. Но для девушки все это, похоже, стало уже неважным. Любимого нет, а уж убийство там или самоубийство, это вопрос шестнадцатый. Погоревала она, погоревала, да и следом отправилась. Наглоталась таблеток, запила водкой. Вечером Рябов с работы пришел, «Скорую» вызвал. Да только поздно. Врачи определили, что к тому моменту она уже несколько часов мертва была.

– Да, невесело.

– Еще как. Поэтому я тебе и говорю – не выдумывай, пожалуйста, лишних проблем на пустом месте. В этом деле все очевидно, и мутить воду тебе совершенно незачем. У Рябова два года назад умерла жена. Дочь – единственный, можно сказать, родной человек, оставшийся у него. Неудивительно, что он тяжело переживал потерю. И такой исход... он трагический, конечно, но вполне объяснимый. У меня есть информация, что многие из его коллег свидетельствуют, как он неоднократно высказывался в том смысле...

– Что жизнь ему не мила?

– Да! Именно! И я не вижу здесь никаких поводов для иронии.

– Да я и не иронизирую. А пообщаться с ними можно будет, с этими коллегами?

– Нужно! Обязательно нужно пообщаться. И с ними, и со всеми, с кем ты считаешь необходимым. Чем больше у тебя будет реальных свидетельств, тем меньше возникнет поводов придумывать что-то от себя.

– Да я не придумываю...

– Ладно, ладно! Закрыли тему. Теперь, когда ты в целом в курсе предыстории этого происшествия, надеюсь, и для тебя вся эта загадочная «подоплека» стала очевидной. Человек не выдержал давления обстоятельств, не устоял перед бедами, разом обрушившимися на него. Твоя задача – провести добросовестное расследование и установить факты, не допускающие разночтений в трактовке этого трагического события. Надеюсь, все ясно?

– Более чем.

– Вот и отлично. Исполни!

Выйдя из кабинета начальника, Гуров испытывал двойственные чувства. С одной стороны, рассказанная Орловым «предыстория» действительно была довольно печальной и в целом могла привести даже к такому финалу, как самоубийство. Но с другой – те мелкие подо-

зрительные нестыковки, которые заметил он на кладбище, все время вертелись в голове и не давали успокоиться на «официальной версии».

«Самоубийство в подобных случаях – это чаще всего акт спонтанный, – размышлял полковник. – Увидел Рябов мертвой любимую дочь, впал в аффект – вот вам и самоубийство. Тогда все выглядело бы логично, и действительно можно было бы говорить о прямой связи между этими событиями. Но на сегодняшний день с момента смерти дочери Рябова прошел уже месяц. Он занимался обустройством могилы, собирался устанавливать памятник. Нет, об аффектах здесь говорить не приходится. Разве еще что-нибудь из ряда вон выходящее случилось».

Но даже если такой случай действительно произошел, Гуров понимал, что просто так ему об этом вряд ли кто-нибудь расскажет. Дело действительно было очень неприятным, и, учитывая статус персоны и сферы, в которых вращался Рябов, на особую откровенность надеяться не стоило.

Впрочем, матерый полковник и сам был не лыком шит. Его возможности и связи позволяли получать информацию не только из допросов. Поэтому, прежде чем приступить к беседам с коллегами Рябова, он решил изучить его досье.

Послужной список высокопоставленного чиновника из Министерства обороны оказался вполне положительным, можно даже сказать, образцовым. Коренной москвич, Рябов окончил военную академию, но от полевых действий всегда был очень далек. Он довольно быстро и успешно сделал административную карьеру, успел побывать депутатом и даже написать диссертацию.

В министерстве Рябов занимался вопросами, связанными с авиационно-космической промышленностью. Сначала работал в департаменте государственных закупок, а через несколько лет, по-видимому, вполне успешной и плодотворной деятельности был переведен в департамент по обеспечению гособоронзаказа.

В этом департаменте, если верить написанному в досье, он ведал вопросами «контроля и учета выполнения государственных контрактов по закреплённой номенклатуре вооружений, военной и специальной техники».

За все время своей карьеры Рябов никогда не получал строгих взысканий и не был участником неприятных скандалов. С этой стороны у него все было просто безоблачно.

«Что ж, выходит, что все главные неприятности господина Рябова действительно связаны только с личными обстоятельствами, – продолжал размышлять Гуров. – Во всем, что касается профессиональной деятельности, это просто образец. Ни претензий, ни замечаний. Никому не насолил? Или просто со всеми «повязан»? Интересный вопрос».

В досье говорилось, что жена Рябова скоропостижно скончалась от острой пневмонии, но о смерти дочери информации не было. По-видимому, ее еще не успели внести.

Кроме жизнеописания, в документах был указан адрес постоянного проживания Рябова и перечислены объекты недвижимости, которыми он владел как собственник.

Квартира в Сокольниках, где до последнего времени проживала семья, сейчас, по-видимому, была пуста, но тем не менее именно ее полковник решил посетить в первую очередь.

Кроме того, что там могли оказаться дополнительные улики или материалы, проливающие свет на происшедшее, на этот шаг его мотивировали и некоторые другие соображения.

Навряд ли жена или дочь такого важного и далеко не бедного человека самостоятельно занимались домашним хозяйством. Скорее всего, у них была домработница. Приходящая или даже постоянно проживающая. И не факт, что она уже в курсе трагических событий, происшедших с ее хозяином. Ведь все случилось буквально несколько часов назад.

Если правильно построить разговор, из этого можно извлечь пользу и, возможно, узнать что-то дополнительное и интересное.

Прежде чем отправиться в Сокольники, Лев решил заехать в лабораторию, куда вместе с пистолетом были сданы и другие вещи, обнаруженные у Рябова. Среди этих вещей имелась и довольно увесистая связка разнообразных ключей, где, конечно же, были ключи и от квартиры. Гарантий того, что в ней сейчас кто-то находится, не было, поэтому он посчитал нелишним прихватить эти ключи с собой и надеялся, что коллеги из лаборатории не откажут в помощи и ему удастся ненадолго «присвоить» этот «вещдок».

– Что там с пистолетом? – поинтересовался Гуров у Влада Сергеева, эксперта, занимавшегося делом Рябова.

– Ничего необычного, – ответил тот. – Отпечатки совпали, пуля подошла. В магазине – все, кроме одной.

– Логично.

– Более чем. Мгновенная смерть от проникающего ранения в височную часть. Время – ориентировочно, часов десять-одиннадцать вечера.

– То есть, выходит, на кладбище он отправился ночью. Занятно. По поводу расстояния, с которого был произведен выстрел, есть что-нибудь интересное?

– Скорее всего, расстояния там не было. Очень похоже на выстрел в упор. Хотя все это пока навскидку, сам понимаешь. Времени у меня было всего ничего. И так уже все дела бросил, на этот труп переключился.

– Что, тебя тоже «сориентировали» с приоритетами? – усмехнулся Лев, вспомнив, как и самому ему совсем недавно пришлось «бросить все дела».

– Еще как! Просто как будто пожар или Всемирный потоп со дня на день нас ожидает. Поэтому исследовать тщательно и глубоко возможности у меня пока не было. Впрочем, не думаю, что корректировки будут глобальными.

– А тело успел осмотреть? Гематомы, следы драки, насилия?

– Ни пятнышка. Если ты намекаешь на то, что стрелял не он, тогда разве что дурманом опоили и прикончили в бессознательном состоянии. Но пока на криминал надежды мало. Между прочим, если он планировал застрелиться, в общем-то, неудивительно, что так поздно пришел на могилу. Не средь бела дня же ему все это проделывать.

– Да, пожалуй. Пожалуй, и это выглядит вполне логично.

Но соглашаясь с доводами Влада, Гуров мысленно отметил, что, если бы планировалось не застрелиться, а застрелить, то поздний видит на кладбище тоже был бы вполне оправдан. Но для того, чтобы выманить его ночью на кладбище, нужен какой-то веский аргумент. Что это могло быть?

Убедившись, что результаты экспертизы неожиданных сенсаций не принесли, Лев «по секрету» забрал ключи и поехал в Сокольники.

Многэтажный дом, в котором находилась квартира Рябова, относился к элитной застройке. Это был современный комфортабельный комплекс с парковкой и автономной системой коммуникаций. На стенах дома он заметил даже несколько видеокамер, контролирующих территорию.

Поднявшись на третий этаж, полковник предупредительно позвонил. Если предполагаемая домработница находилась дома, не стоило пугать ее «несанкционированным вторжением».

Уже через пару секунд Гуров понял, что на этот раз ему повезло. В квартире действительно кто-то был. Он услышал щелканье замка, по-видимому, второй, внутренней, двери и по воцарившемуся напряженному молчанию понял, что его кто-то пристально рассматривает в «глазок».

– Кто там? – наконец раздался нерешительный и немного испуганный женский голос.

– Я из полиции. – Лев поднес к «глазку» развернутое удостоверение. – По поводу Дмитрия Петровича. Откройте, пожалуйста, мне нужно задать вам несколько вопросов.

– Дмитрия Петровича сейчас нет, – проговорила женщина, все еще не решаясь открыть.

– Я знаю. Он в больнице. На него совершенно нападение, мне нужно поговорить с вами. Откройте, пожалуйста.

– В больнице? Как в больнице? Какое нападение?

Не переставая задавать недоуменные вопросы, женщина наконец открыла дверь. Это была пожилая, вполне приятная на вид особа, на лице которой сейчас отражалась озабоченность.

– Какое нападение? – говорила она, впуская Гурова. – Вы действительно из полиции?

Чтобы развеять сомнения своей собеседницы, полковник снова протянул ей «корочки».

– Гуров... Гуров Лев Иванович, – медленно прочитала она. – Хм. Не знаю, о чем мы с вами можем говорить. Я всего лишь прибираю здесь. Прибираю и готовлю. А что за нападение?

– Для начала давайте познакомимся, – галантно улыбнулся Гуров. – Мое имя вы уже знаете, а как обращаться к вам?

– Меня зовут Клара. Клара Семеновна.

– Очень приятно. Клара Семеновна, вы каждый день приходите прибираться в этой квартире?

– Нет. Через день. Вчера меня не было, а сегодня я пришла с утра. С одиннадцати. Я здесь с одиннадцати и до семи. Это специально так назначено. Обычно в эти часы хозяев не бывает, так что и я могу спокойно делать свою работу, и им никакого беспокойства.

При этих словах Лев не мог сдержать досады. Выходило, что с «хозяевами» его собеседница практически не контактирует, следовательно, об их жизни навряд ли сможет сообщить что-то интересное. Он уже готов был думать, что напрасно пришел, но дальнейший разговор показал, что это не совсем так.

– То есть получается, что с хозяевами квартиры вы почти не общаетесь? – уже без всякой надежды в голосе спросил Лев.

– Да теперь, можно сказать, совсем не видимся. Еще когда дочка его была, тогда да. Поговорит, новости расскажет, иногда смешное что. Хорошая была девочка.

– А вы давно здесь работаете? – наострил уши полковник.

– Я-то? Да уж, считай, лет пять. Я и супругу его еще застала. Тоже хорошая, жизнерадостная была женщина. Да, раньше-то у них повеселее было. А потом что-то... просто как злой рок какой-то обрушился. В одночасье семьи не стало. Квартира сейчас как вымороженная, даже приходить сюда не хочется. Олешка-то, она ведь прямо здесь, прямо вот в этой комнате... лежала.

– То есть это вы обнаружили тело дочери Дмитрия Петровича? – с интересом спросил Гуров.

– Нет, не я. Дмитрий Петрович и обнаружил. Вечером, как пришел с работы, тогда и... обнаружил. А я-то уж потом, на следующий день видела. След только видела, как полиция тело обрисовала. Поплакала тоже. А как же? Жалко. Хорошая была девочка. И что это за невезение такое на них нашло? Просто злой рок какой-то!

– Ольга Рябова покончила жизнь самоубийством? Правильно?

– Покончила, да. Таблеток наглоталась и водкой запила. Только уж не знаю, что здесь правильно. Уж какой бы он ни был, парень этот, а чтоб из-за него до такого доходить... не знаю.

– «Парень» – это вы имеете в виду ее жениха?

– Его, а кого же.

– Вы были с ним знакомы?

– Не то чтобы прямо уж знакомы. Но, конечно, виделись. А как же? Он и в гости приходил часто. Я тогда старалась побыстрее все закончить и распрощаться. Зачем мешать? Ихнее дело молодое. Хороший парень был, Игорек-то. И за что уж он в тюрьму попал? А там его и убили. Вот ведь как бывает, не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Приличный такой, хороший был мальчик. Правильный.

Тут Гуров вспомнил, что, по словам Орлова, в СИЗО «правильного мальчика» перевели в другую камеру из-за того, что в предыдущей он не смог ужиться с соседями. Это разночтение в характеристике генерала и Клары Семеновны его очень заинтересовало.

– А вообще какой характер был у этого Игоря? – как бы невзначай спросил он. – Спокойный или, наоборот, вспыльчивый?

– Да что вы! Какой там вспыльчивый! Тише воды ниже травы. Когда придет, не сразу поймешь, что и дома-то кто-то есть. Сядут с Олей куда-нибудь в уголок, и не слышно их. Все о своем что-то там разговаривают. Да я и не слушала. Зачем мешать? Нет, совсем не вспыльчивый был. Тихий такой, спокойный мальчик. И за что только в тюрьму попал? – вздохнув, повторила Клара Семеновна.

– Узнав о том, что его убили, Ольга сильно переживала?

– Переживала, конечно. Раньше-то и пошутит, и веселое что-нибудь расскажет. А после этого, как ни приду, все глаза красные. Так и не вытерпела она. Не смогла пережить...

– Дмитрий Петрович, наверное, очень горевал? Столько бед сразу. Жена, потом еще и дочь.

– Да. Горевал. Только он из другой породы – никогда рассказывать не будет. Набычится, насупится и ходит из угла в угол. Молчит, только тоску нагоняет. В такие-то дни он на работе обычно, а в выходные... – Тут Клара остановилась, будто о чем-то вспомнив, и взглянула на Гурова: – А что за нападение, про которое вы выговорили? Что, и с ним тоже какая-то беда? Что за напасть на эту семью!

– Про нападение мы еще поговорим, Клара Семеновна. Вы сказали, что в будние дни практически не встречались с Дмитрием Петровичем, потому что он всегда был на работе. А в выходные виделись с ним?

– Да, в выходные виделись. Только не больно-то приятные они были, эти встречи. Я уж когда знала, что дежурство на выходной выпадает, старалась заранее все так приготовить, чтобы в этот день побыстрее управиться. Что хорошего на это смотреть? Ходит человек, угрюмый, слова не скажет, видно, что переживает. И нет бы поговорить, излить душу, глядишь, и самому бы полегче стало. Нет. Набычится, насупится и ходит туда-сюда. Как арестант какой в камере.

– Вы не в курсе, он часто бывал на кладбище?

– У Олюшки-то? Бывал, как же. Аккуратно каждые выходные ходил. У них и место там было куплено. На Троекуровском. Большой участок, на семью. Все шутили, что рядом со знаменитостями будут лежать. Ан вот и улеглись. Не к добру, видать, шутили-то.

– Значит, по выходным. А в будние дни, выходит, он туда не навещался?

– Не знаю, может, и ходил. Мне ведь не докладывают. Только в будни у него работа. Он с работы-то раньше девяти вечера и не приходил никогда. Куда там еще на кладбище идти?

– А откуда вы это знаете, если уходите в семь? – лукаво прищурился Лев.

– Я? – растерянно и как-то даже испуганно переспросила Клара. – Но как же... Это уж давно известно. Всегда он так ходит. На работу к десяти, с работы после девяти. Иногда и в одиннадцать приезжал.

– Наверное, об этом вам говорила жена или дочь?

– Да, и они. И вообще... Это уже известно, когда он приходит.

В целом картина складывалась. Рябов, расстроенный самоубийством дочери, поздно вечером отправился на кладбище и там, обдуманно или спонтанно, решил последовать ее примеру. Дома его никто не ждал, и тот факт, что он не вернулся «по расписанию», ни у кого не вызвал бы беспокойства как минимум до утра. С этой стороны все выглядело логично.

Интересно было другое. Чтобы пустить себе пулю в лоб, хоть обдуманно, хоть спонтанно, нужно иметь из чего стрелять. А крупный государственный чиновник вряд ли вот так вот про-

сто каждый день ходил на работу с пистолетом. Может, оружие было в машине? Да и было ли вообще у Рябова оружие?

– Клара Семеновна, вы поддерживаете порядок в квартире, наверное, уже изучили все закоулки? Вы не знаете, где обычно Дмитрий Петрович держал пистолет?

– Пистолет?! – Изумление домработницы было совершенно искренним. – Вот уж не знаю. Никогда и не видела даже. Зачем ему пистолет? Хорошие, приличные люди. Да еще дома. Нет, не знаю. Пистолет никогда не видела. А почему вы спросили?

– Так, из интереса. Подумал, может быть, Дмитрий Петрович имел оружие для самообороны.

– А, это вы из-за того нападения. Нет, не знаю. Про пистолет не знаю. А что там такое случилось? Кто на него напал? Вы так и не сказали.

– Да нет, ничего особенного. Просто хотел узнать, имелись ли у Дмитрия Петровича средства для самообороны. Так, значит, вчера вы не приходили сюда?

– Нет. Я через день. Еще когда жена его была и дочка, тогда да, тогда каждый день приходила. А сейчас нет. Через день.

– Еще один вопрос. Супруга Дмитрия Петровича умерла уже довольно давно. Вы не знаете, он не имел кого-нибудь, так сказать, на примете? Все-таки мужчина еще не старый.

– Нет, не знаю. Про такое нам не докладывают. Да и Олюшка никогда ничего не говорила. Нет. Думаю, не имел. В гости не водил никого, а как там еще где было, этого не знаю. Был бы кто, наверное, пригласил бы. Но нет. Я не видела. Да и Олюшка ничего не говорила.

– Наверное, он очень любил жену?

– Да. Любил. Очень горевал, когда она померла. Да и все расстроились. Хорошая была женщина. Потом вот и у Олюшки с Игорьком этим. Когда стал он сюда ходить, вроде как-то и повеселее все пошло, Олюшка снова улыбаться начала. И вдруг опять. Только было подумали, что жизнь налаживается, а оно еще хуже обернулось. И что это за напасть такая на эту семью?

– Клара Семеновна, а вы не обращали внимания, в последние несколько дней в настроении Дмитрия Петровича не проявлялось чего-то необычного? Какие-то эмоции, поступки? То, чего раньше за ним не наблюдалось?

– Не знаю. – Взгляд собеседницы выражал недоумение. – Вроде все, как всегда. Да я его и не видела почти. Говорю же, у нас расписание такое, что мы с хозяевами почти не пересекаемся. Честно говоря, и желания особого не было пересекаться. Что хорошего? Всегда угрюмый, слова не скажет. Набычится, насупится и ходит туда-сюда.

– А раньше он таким не был?

– Раньше-то? – Клара Семеновна задумалась. – Как вам сказать? Я ведь все больше с девочками общалась. Вот с женой его да с Олюшкой. Его-то самого и не видела почти. Конечно, раньше-то повеселей у них было. А так – не знаю, необычного вроде ничего не было.

Глава 2

Разговор с домработницей не стал кладезем в плане информативности. Но общее представление о семье Рябовых у полковника сложилось.

По всей видимости, эта «ячейка общества» представляла собой некий самодостаточный социум, замкнутый внутри себя. Глава семейства, похоже, был вполне доволен существующим положением вещей и новизны не искал. Это подтверждалось уже тем, что спустя два года после смерти супруги он так и не женился.

При таком положении было вполне объяснимо, что первый трагический случай, нарушивший целостность этого небольшого «клана», по принципу цепной реакции вызвал все остальные беды.

Предположения о самоубийствах выглядели вполне логично, и тем не менее чем больше полковник размышлял об этом деле, тем чаще его мысли возвращались к теме убийства и заказа.

«Наверняка эти люди не хуже самого Рябова знали его расписание и были в курсе того, что после работы он возвращается в пустую квартиру. Значит, как минимум до утра у них была временная фора и возможность «замести следы». Да и пистолет этот. Пока непонятно, откуда он взялся. У Рябова было разрешение? В досье об этом ничего нет. Похоже, нужна санкция на обыск. Представляю, как обрадуется генерал».

Кроме вопроса о пистолете, беседа с домработницей выявила и некоторые другие обстоятельства, которые Гурову сразу захотелось прояснить, хотя они и не имели непосредственного отношения к самоубийству чиновника из Минобороны.

Например, очень подозрительным показалось ему несовпадение образа «тихого спокойного мальчика», жениха Ольги, описанного домработницей, и дебошира, которого переводят из камеры в камеру за то, что он не может ужиться с другими заключенными. Что могло скрываться за этим расхождением?

Инстинктивно Лев чувствовал, что связь между этими тремя смертями – жениха, дочери Рябова и его самого – не только в том, что погибшие – близкие люди. Опытный полковник за событиями, для всех очевидными, улавливал скрытый подтекст и понимал, что не сможет успокоиться до тех пор, пока смысл этого подтекста полностью для него не прояснится.

Поэтому, возвращаясь в Управление, он уже предчувствовал проблемы.

«Если Орлов узнает, что я начал «копать», сразу встанет на дыбы. Надо поосторожнее. Партизанскими методами. Дело и впрямь неприятное, а реальных фактов у меня пока нет. Да и неизвестно, будут ли. Даже если и есть какие-то «нюансы» по этому самоубийству, откровенничать точно никто не станет. Не говоря уже о том, что я пока еще и не настолько в курсе дела, чтобы «нужные» вопросы задавать. Для начала попробуем выяснить, что там с этим убийством в СИЗО и самоубийством дочери. А от этого уже будем «плясать».

В Главк Лев прибыл, когда рабочий день уже подходил к концу. Необходимо было выяснить, у кого находятся в разработке интересующие его дела, и проще всего было бы обратиться с этим вопросом непосредственно к генералу Орлову. Но он хорошо понимал, что в сложившихся обстоятельствах расспросы о том, кто проводил дознание по факту самоубийства Ольги Рябовой и у кого сейчас находится дело по убийству в СИЗО, у начальства вызовут только ненужное раздражение, поэтому решил выяснить это, пользуясь «личными каналами».

Пообщавшись с коллегами и задав как бы невзначай несколько наводящих вопросов, Гуров вскоре уже знал, куда ему обращаться.

Постучав в знакомый кабинет, он, не дожидаясь специального приглашения, вошел к коллеге и старому знакомому Владимиру Зимину.

– Здорово, Володя! Как жизнь молодая?

– Вообще-то собирался домой, – усмехнулся Зимин. – Но, похоже, поторопился. Ты ведь просто так не заходишь.

– Угадал. Но постараюсь не задерживать. Вопрос у меня, в общем-то, простой. С месяца назад возникло тут у нас некое дело по суициду. Ольга Рябова. Слышал про такую?

– А, это, – сразу перестал улыбаться Зимин. – Да, было. Хотя восторга не вызвало ни малейшего. Рябова эта – из «папиных дочек». Отец ее где-то «в верхах» рулит. Так что, сам понимаешь, единственная моя мечта при начале этого дела была – поскорее его закончить. У меня стрессов и без того хватает.

– А что, с этим делом много было стрессов? – наострил уши Лев.

– Да нет. В плане криминала там, можно сказать, абсолютный ноль. У девушки погиб парень, девушка расстроилась, и в какой-то момент эмоции возобладали над здравым смыслом. Все очевидно. Так что неожиданностей в ходе расследования не возникло. Чему я, признаюсь тебе по секрету, весьма был рад. Я бы и вообще предпочел, чтобы эта головная боль меня минула. Орлов ведь всех этих «важняков» обычно тебе поручает.

– Да, в этот раз что-то не предложил.

– Как бы он предложил? Это же в октябре случилось, ты как раз в командировке был.

– А, точно! Действительно, уезжал на неделю. Как мало надо, чтобы все самое интересное пропустить, – усмехнулся Лев.

– Вот-вот. А я бы с удовольствием пропустил, но – увы! Не вышло.

– Ведь ты говоришь, что подозрительного ничего там не было. Чего же тогда беспокоиться?

– Это как сказать. Не знаю, как ты, может, привык уже, а у меня все эти высокие персоны одним своим присутствием уже вызывают беспокойство. Ходишь, как по лезвию бритвы. Пока протокол пишешь, семь потов сойдет – все боишься, как бы чего «ненужного» не вписать. Кто их знает, какие у них там внутренние взаимоотношения. Напишешь что-нибудь, не подумав, а потом придется новую работу искать.

– Ладно, не драматизируй, – улыбнулся Гуров. – Ты – кадр заслуженный, на таких Управленение держится. Кому-кому, а уж тебе-то безработица точно не грозит. Так, значит, дело ты закрыл?

– Закрыл. А чего с ним возиться? Говорю же, только лишняя головная боль. Обстоятельства и причина смерти очевидны, время везде совпадает, экспертиза все подтверждает. В сущности, это дознание было обычной формальностью, и я постарался как можно оперативнее уладить эту формальность.

Услышав слово «формальность», уже однажды прозвучавшее по поводу такого же «очевидного» самоубийства, Гуров невольно насторожился.

– А что там вообще произошло? – как бы невзначай поинтересовался он.

– Да ничего особенного. Накануне эта Ольга ночевала у подруги, вернулась домой, когда отец уже ушел на работу. Хотя, по словам этой самой подруги, она, наоборот, вышла пораньше, чтобы утром успеть повидаться с отцом. Но сам Рябов говорит, что в тот день с дочерью не встречался. Видимо, не успела. Может, это ее и спровоцировало. Сейчас трудно сказать.

– А подруга? Она ничего не смогла подсказать по поводу того, что ее спровоцировало? В каком настроении Ольга уходила от нее?

– В том-то и дело, что, по ее словам, настроение у той было вполне адекватное. Даже, можно сказать, хорошее. Так что если что-то и произошло из ряда вон выходящее, то, видимо, в промежутке между моментом, когда Ольга вышла от подруги, и моментом, когда она прибыла к себе в квартиру. Это, кстати, косвенно подтверждают слова той же подруги. Она звонила Ольге, чтобы узнать, как та добралась. И на телефонный звонок Ольга ответила, уже явно пребывая в глубоком расстройстве.

– Подруга пыталась расспросить о причинах?

– Да, только безуспешно. Ольга была в слезах и ничего толком не объяснила. Сказала, что перезвонит позже.

– Но не перезвонила?

– Видимо, нет.

– Значит, о причинах, вызвавших такое ее состояние, так и не удалось узнать?

– Как это можно узнать, Лев? – совершенно искренне недоумевал Зимин. – Чужая душа – потемки. Ей любой случайный прохожий мог нахамить, ни о чем таком не думая, и вызвать «рецидив». Любое неосторожное слово, связанное с недавней трагедией, могло навести на ненужные ассоциации и в итоге спровоцировать катастрофу. Как тут угадать? Намеренной провокации там не было – это главное. И это установлено точно. Так же, как и то, что рядом в момент суицида никто не стоял и глотать таблетки, запивая их водкой, не заставлял. Так что с точки зрения уголовных статей здесь все чисто. А по поводу индивидуальных душевных переживаний – это вам к другим специалистам. Ты, кстати, с чего вдруг этим делом заинтересовался? Что-то «параллельное» расследуешь?

– Да, близкий случай, – небрежно бросил Гуров. – Косвенно соприкасается с этой семьей. Ты, кстати, не навел справки об этом парне, ее женихе? Что там с ним стряслось?

– Нет, до таких извращений мой трудовой энтузиазм не доходил, – усмехнулся Зимин. – Я рад был не знаю как, что Ольгу-то эту с рук сбыл, а ты мне еще ее парня «сватаешь». Если нейдет, можешь сам узнать. Дело у Жилиятина, до сих пор не закрыто, и когда закроют, неизвестно. Вот там-то, похоже, «подозрительного» просто целый вагон.

– Правда? А что именно?

– Да не знаю я, что именно. Не вникал. Да и не горю желанием, если честно. Своего хватает. Просто слышал, ребята говорили. Да и без того можно догадаться. Убийство в СИЗО – всегда тема непростая. Но я не вникал.

– Ясно. А свое дело ты в архив уже сдал?

– По Рябовой?

– Да.

– Само собой. С неделю уже душой отдыхаю.

– Ясно. Что ж, продолжай отдыхать. Надеюсь, не сильно тебя отвлек.

– Ладно тебе! Нашел повод язвить! А то не знаешь, как мы здесь «отдыхаем».

– И не думал язвить. Наоборот. Рабочий день закончился, так что отдохнуть сейчас самое время. Бывай, Володя, спасибо за информацию.

Стрелки на часах действительно показывали уже половину седьмого. Но архив работал до восьми, и Гуров надеялся, что сегодня еще успеет просмотреть дело Ольги Рябовой.

В архиве тоже были знакомые, и, войдя в здание, он уже через десять минут читал дело. Материалы подтверждали все, что незадолго до этого говорил Зимин, с той лишь разницей, что в протоколах информация была изложена более подробно и обстоятельно.

Гуров вскользь просматривал документы, останавливаясь только на том, что особо привлекало внимание.

Одним из таких пунктов был протокол допроса некой Светланы Березиной, той самой подруги, у которой ночевала Ольга Рябова накануне своего самоубийства. Она же, эта Светлана, незадолго до этого самоубийства звонила Ольге по телефону. Само по себе содержание разговора ясно свидетельствовало, что в нем нет никакого «двойного дна» и скрытых смыслов. Было очевидно, что за день до своей трагической кончины Ольга действительно ни о чем таком не думала. Наоборот, содержание беседы двух подруг скорее свидетельствовало о том, что жизнь постепенно налаживается. Значит, решение оказалось спонтанным, неожиданным для самой Ольги. И причина, вызвавшая это решение, была очень серьезной. Чтобы в один миг развернуть весь жизненный курс человека в противоположном направлении, нужен очень весомый мотив.

«Что же там такое произошло, в этот небольшой временной промежуток? – думал Гуров. – Действительно, роковая встреча с каким-нибудь хамом на улице, ненамеренно ударившим по самым чувствительным струнам? Или здесь имело место что-то посерьезнее?»

Погрузившись в размышления над этой загадкой, он вдруг поймал себя на мысли, что занимается сейчас совершенно не тем, что ему поручил генерал. Прочитав самому себе мысленную нотацию, Лев достал блокнот и записал в него адрес и телефон Светланы Березиной. Кроме адреса, отметил для себя время, в которое состоялся телефонный разговор между подругами, и время, когда, согласно заключению экспертизы, наступила смерть Ольги. Разница составляла три часа. Учитывая, что все произошло в квартире Рябовых, откуда уже ушел на работу глава семьи и куда домработница должна была прийти только на следующий день, можно было сделать вывод, что Светлана была последней из тех, кто говорил с Ольгой перед смертью.

Когда Гуров вышел из здания архива, ливень уже закончился. Сейчас в воздухе вновь стояла промозглая изморозь, как будто дождевые капли зависли в пространстве, так и не успев долететь до земли. Под низкими, свинцово-тяжелыми тучами, сквозь которые не виднелось ни единой звездочки, он сел в машину и, включив фары, поехал домой.

На следующее утро, задержавшись после традиционной планерки, Гуров попросил Орлова дать санкцию на обыск в квартире Рябова.

– Это еще зачем? – сразу нахмурился тот. – Опять твоя самодеятельность, Лева?

– Не совсем понятно, откуда у него пистолет, – собрав все дарованное ему природой простодушие, ответил Гуров. – Нужно подтверждение, что оружие действительно его. Должно быть разрешение или хотя бы сейф для хранения. Надо будет поискать, а то получается немного странно. С одной стороны, вроде бы...

– Ладно, ладно, – раздраженно перебил его генерал. – Понял уже. Иди, я подумаю.

– О чем? – Лев слегка приподнял брови, чтобы показать, как сильно он удивлен.

– О том! – вновь начал закипать генерал. – Это тебе не в квартиру дворника дяди Васи залезть. Мне решение согласовать нужно. Иди! Хотя нет, постой! Ты в министерстве был? Коллег опрашивал?

– Как раз сегодня собирался.

– Сегодня? А почему не вчера? Чем ты занимался целый день?

– Ты, наверное, удивишься, но как раз именно проверкой по этому делу.

– Слушай, Гуров, ты мне тут не оstri. Или так и не понял, что я тебе уже который день пытаюсь вдолбить? Это дело – сплошная головная боль. И наша с тобой задача – как можно скорее от нее избавиться. А ты, вместо того чтобы сосредоточиться на главном, все какие-то дополнительные детали выискиваешь, самодеятельностью занимаешься. Обыск еще какой-то выдумал. На что он тебе сдался, этот обыск?

– Чтобы подтвердить, что пистолет – орудие самоубийства, а не убийства, – хмуро проговорил полковник.

– Ладно, ладно, не начинай! – сразу остановил его Орлов. – С обыском я попробую решить. А ты с опросами не тяни. Чем свежее у людей впечатление, тем результативнее будет беседа. Незачем ждать, пока все это быльем порастет. Иди!

Этот непродолжительный разговор в очередной раз убедил Гурова, что «самодеятельность» с его стороны в данном случае не приветствуется категорически. И тем не менее желание разобраться в загадочных нюансах этого дела не оставляло полковника.

«Влад утверждает, что выстрел был сделан в упор, – размышлял он, выходя из кабинета Орлова. – Деталь довольно характерная. Кроме самого Рябова, его мог произвести лишь человек, с которым он был коротко знаком и которому, возможно, полностью доверял. Этот человек в момент убийства должен был находиться очень близко, и его маневры до последнего момента

не должны были вызывать у Рябова никаких подозрений. Иначе он просто не дал бы так вот просто застрелить себя и его «друзья» не смогли бы так аккуратненько уложить на могильный холмик не имеющее ни единой гематомы тело».

В пользу версии со знакомым говорил и тот факт, что Рябов согласился в столь позднее время отправиться на кладбище. Размышляя о том, на чем он мог приехать туда, Гуров вспомнил, что в досье среди имущества чиновника упоминался «BMW». Если Рябов прибыл на своей машине с тайной мыслью совершить самоубийство, она должна была остаться перед центральными воротами кладбища. Но во время своего посещения Лев не заметил там ничего похожего на престижную иномарку. «На служебной машине, которая наверняка есть, он тоже вряд ли стал бы кататься посреди ночи по личным делам. Значит, транспортное средство принадлежало тем, кто «пригласил» его на эту роковую «прогулку».

И тут ему вдруг пришла мысль, которую он до этого совершенно не принимал во внимание.

Полностью сосредоточившись на идее о том, что целью ночной «прогулки» Рябова изначально было посещение кладбища, какие-либо иные варианты Лев даже не рассматривал. Между тем, если путешествие проходило в машине кого-то из знакомых, целью его могло быть названо что угодно: чиновника могли пригласить в гости, на какую-то встречу или разговор, да просто в ресторан на «мальчишник». Вариантов масса, причем таких, над которыми и голову не нужно ломать. И вовсе не обязательно напрягать воображение, измышляя причины, чтобы заставить взрослого серьезного человека ночью отправиться на кладбище.

Предположение показалось Гурову вполне резонным. Правда, в этом случае убийцы совершенно точно не стали бы заходить на территорию кладбища через главные ворота. Но огромная площадь, которую занимал некрополь, наверняка позволяла попасть туда и из других точек.

В свете этой новой теории особое место принадлежало пистолету. Конечно, при определенных обстоятельствах Рябов вполне мог захватить с собой на «прогулку» и оружие, но опытный полковник понимал, что вероятность подобного развития событий крайне невелика. Солидный чиновник из Министерства обороны вряд ли отправился бы ночью «пострелять по тарелочкам». А если предполагаемое ночное путешествие могло быть связано с угрозой личной безопасности, он всегда мог воспользоваться услугами профессиональных телохранителей.

«Скорее всего, оружие все-таки принесли «друзья». И «пробить» его необходимо подробнейшим образом. Интересно, Влад уже пытался выяснить «предысторию» пистолета?»

Гуров вышел на улицу и, сев в машину, поехал в лабораторию. Необходимо было вернуть ключи от квартиры Рябова и заодно узнать, не принесло ли более «тщательное и глубокое исследование» каких-либо неожиданных результатов.

Уже очень скоро он смог убедиться, что на сенсацию рассчитывать не стоит.

– Увы, Лева, должен тебя огорчить, – слегка усмехаясь, сказал Влад. – Следов «дурмана» и прочих интересных препаратов в крови пациента не обнаружено. Так что в момент своей смерти он находился в твердой памяти и, по-видимому, в более-менее здравом уме. Если, конечно, исключить наследственные психические заболевания. Но ведь в данном случае о них, кажется, речь не идет?

– В данном случае – нет, слишком высокопоставленный для психа.

– Вот и я о том. Так что не ломай голову понапрасну, не ищи себе лишних хлопот. Все факты говорят за самоубийство.

– А пистолет? О нем есть что-то интересное?

– Практически ничего. Пистолетик с иголки, приобретен, по-видимому, совсем недавно. И, на мой взгляд, это еще один факт именно в пользу самоубийства.

– Куплен с конкретной целью?

– Именно.

– Но на травматику только разрешение нужно оформлять несколько месяцев. К тому же легально без лицензии никто не продаст, кому нужны такие стрессы? А нелегально проще нормальный огнестрел купить. Надежнее будет.

– Ну, не знаю. Может быть, он изначально для чего-то другого планировал его приобрести. Это уж вам, мудрым сыщикам, разбираться. Наше дело маленькое. Только ты сам сейчас сказал, что парень этот – «высокопоставленный». Ему эту лицензию, если понадобится, просто на блюдечке с голубой каемочкой поднесут. На следующий же день. Несколько месяцев даже не придется ждать.

В словах Влада был свой резон. Для каких бы целей ни планировал Рябов приобрести оружие, с официальными процедурами у него, скорее всего, не возникло бы проблем. Оставался пустяк – удостовериться, что пистолет действительно оформлен именно на него.

– Ты номер не пробивал, случайно? – спросил Гуров.

– Номер не пробивал. Это вообще-то не моя компетенция. Разве что тебе, другу старому, по знакомству могу сделать. За приличное вознаграждение, разумеется.

– Сделай, Влад. Дело, сам видишь, какое. Чем быстрее его спихнем, тем всем приятнее будет. Орлов, бедный, со вчерашнего дня как на иголках. А мне тоже не разорваться. Сейчас в министерство нужно ехать, коллег его опрашивать, скорее всего, целый день придется там проторчать.

– Счастливчик! С важными людьми познакомишься.

– Да уж.

– В кабинет не вызываешь?

– Какое там! У этого товарища такие коллеги, что, того и гляди, самого куда-нибудь вызовут. Нет уж, мы как проще. Сами побеспокоимся.

Выйдя из лаборатории, Лев поехал на Знаменку – в департамент по обеспечению гособоронзаказа.

Несмотря на то что в разговоре с Владом он так категорически высказался против приглашения коллег Рябова к себе в кабинет, такая мысль у него была, но он быстро от нее отказался. Учитывая статус и занятость подобных персон, ждать их «в гости» пришлось бы долго. А учитывая нервозность начальства, «спихнуть» это неприятное дело нужно было быстро.

Поэтому Гуров решил «побеспокоиться» сам и собеседования с коллегами Дмитрия Рябова провести по месту работы.

Прибыв в департамент, он отрекомендовался дежурному, после чего довольно долго ждал, пока тот говорил по телефону, по-видимому, докладывая кому-то о его прибытии.

– Проходите, – наконец разрешил дежурный. – Третий этаж направо. Кабинет 378.

– Это кабинет Дмитрия Петровича? – уточнил Лев.

– Да. Сейчас там временно исполняющий обязанности, Шакуров Сергей Николаевич. Вы можете поговорить с ним.

– Спасибо.

«Однако, оперативно, – думал Гуров, поднимаясь в лифте. – Король умер, да здравствует король! Что значит военное ведомство. Предыдущий начальник «освободил кресло» лишь вчера, а новый тут как тут, уже сегодня. Кто бы это мог быть, интересно? Кто-то из замов? Или какой-нибудь ушлый карьерист, с помощью интриг и криминала убравший «конкурента» и получивший наконец-то заветную должность?»

Но «криминальная» версия не оправдалась. Уже с первых минут разговора с худощавым темноволосым мужчиной, сидевшим за необъятным рабочим столом, выяснилось, что это действительно бывший зам.

– Да, история очень неприятная и странная, – говорил он. – Дмитрий Петрович был довольно уравновешенным человеком, никто даже предположить не мог, что он способен

совершить что-то подобное. По-видимому, смерть единственной дочери оказалась слишком сильным ударом.

– Если я правильно понял, вы работали в самом непосредственном контакте с Дмитрием Петровичем. В последние несколько дней не замечали чего-то необычного в его поведении? Повышенную эмоциональность, раздражительность? Или, наоборот, отчуждение, нежелание общаться? – поинтересовался Лев.

– Пожалуй, нет, – после короткого раздумья ответил Шакуров. – После смерти дочери он действительно изменился, стал более замкнутым. Дмитрий Петрович был не из тех, кто склонен со всеми обсуждать свои переживания, и после трагедии с Ольгой эта черта его характера проявилась со всей наглядностью. Но на работе это не отражалось. По крайней мере, лично я ни разу не видел, чтобы у него произошел какой-то эмоциональный срыв или что-то в этом роде. Да и от других не слышал.

– И в последнее время тоже? Например, вчера? – пытливо взглянул на него Гуров.

– Да, и в последнее время, в том числе и вчера. Обычный рабочий день, решение текущих вопросов, за которыми, могу вам сказать даже по своему личному опыту, просто не остается времени на эмоции. У нас очень насыщенный график.

– Среди коллег Дмитрия Петровича был кто-то, с кем он общался особенно близко? Кому мог доверить свои тайны, поделиться личными переживаниями?

– Не знаю. Я уже говорил, он был человеком довольно сдержанным. Не склонным проявлять эмоции и тем более делиться ими. По работе он общался с очень многими людьми, возможно, чаще других со своими замами. Я вам свое мнение уже высказал. Можете побеседовать с другими, возможно, они расскажут что-то более интересное.

– Буду очень рад. А как мне встретиться с ними?

– Я сейчас скажу Маргарите Павловне, она вам поможет.

Шакуров нажал кнопку на небольшом пульте, стоявшем на столе, и в кабинете появилась солидная дама с высокой прической, которую Гуров уже видел в «предбаннике».

– Маргарита Павловна, полковнику Гурову необходимо побеседовать с заместителями Дмитрия Петровича. Сориентируйте его, пожалуйста, с направлениями, он у нас здесь впервые.

Поблагодарив, Лев вышел следом за секретаршей, но прежде чем «ориентироваться с направлениями», решил поговорить с ней самой.

Однако все его попытки «надавить на чувствительность» привели лишь к перечню стандартных ответов, типа: «не видел», «не знаю», «не привлекался», которые незадолго до этого он уже слышал от Шакурова.

«Да, дамочка просто кремень, – думал полковник, следуя за Маргаритой Павловной к кабинету очередного зама. – В «сдержанности» не уступит и начальству. Кого же Орлов имел в виду, когда грозился мне кучу свидетелей привести, слышавших, как Рябов говорил, что жизнь ему не мила? Явно это были не коллеги по работе. Сдается мне, что здесь я, кроме версии о «сдержанности», ничего другого не услышу».

Предчувствия его не обманули. Обойдя под чутким руководством Маргариты Павловны всех замов Рябова и побеседовав с некоторыми его коллегами из смежных подразделений, Гуров так и не смог добавить практически ничего к тому, что уже знал от Шакурова.

Будто сговорившись, все до единого упоминали о сдержанности и замкнутости Рябова, и лишь изредка эта немногословная характеристика разбавлялась упоминаниями о том, что он «сильно переживал гибель единственной дочери». В этих показаниях сослуживцев трудно было заподозрить подвох. Но именно это и настораживало полковника.

Выходило, что Дмитрий Рябов был совсем не из тех людей, которые склонны к эмоциональным всплескам и спонтанным реакциям. К тому же на момент смерти ему было уже пятьдесят четыре года. Трудно предположить, что умудренный опытом человек, сдержанный по характеру, да к тому же еще и прошедший суровую «школу жизни» во властных коридорах,

мог в одночасье превратиться в законченного неврастеника, склонного к суициду. Даже учитывая такую вескую причину, как смерть единственной дочери.

Путешествуя из кабинета в кабинет, Гуров то и дело возвращался к мысли о том, что убийство Рябова – чей-то заказ. Но для такого заказа должны быть очень веские мотивы. А то, что на данный момент было известно ему о жизни и деятельности покойного, ни на какие мотивы не давало даже намека.

«Похоже, отношения Рябова с коллегами были сугубо официальными. Но живой человек, пускай даже «сдержанный и замкнутый», не может постоянно вариться в собственном соку. Всегда есть кто-то, с кем можно «поговорить по душам». И, похоже, эту «жилетку» Рябов не искал среди коллег по работе. С кем еще он общался? Были же у него выходные, свободное время. Как он их проводил?»

Поразмыслив о том, кто бы мог дать какие-то «наводки» по этому вопросу, Лев вдруг вспомнил о личном водителе. У чиновника такого ранга служебный автомобиль, разумеется, был, и, вполне возможно, водителю этого автомобиля приходилось ездить не только по рабочим маршрутам.

– Маргарита Павловна, – обратился он к секретарше, преданно сопровождавшей его в скитаниях по кабинетам. – Благодарю вас за помощь, думаю, нам больше не стоит отвлекать занятых людей от работы. Единственный, с кем я еще хотел бы поговорить, это водитель Дмитрия Петровича. У него ведь был служебный автомобиль? Организуйте мне встречу с ним, и я больше не буду надоедать вам своим присутствием.

Лицо вышколенной секретарши приняло несколько напряженное выражение, но это продолжалось всего лишь секунду. Восстановив дежурную вежливую улыбку, она проговорила:

– Я должна спросить у Сергея Николаевича. Максим теперь возит его, и чтобы поговорить с ним, необходимо его разрешение.

– Да, разумеется.

Вернувшись в «предбанник» кабинета, еще вчера принадлежавшего Дмитрию Рябову, Гуров присел на стул, ожидая результата переговоров секретарши с новым начальником.

Вскоре солидная Маргарита Павловна вновь предстала перед его взором и сообщила, что «Сергей Николаевич разрешил».

Уточнив номер машины, Лев попрощался и спустился вниз. Выйдя из здания, он отыскал среди стройных рядов иномарок, стоявших перед ним, блистающий черным лаком представительский «Мерседес».

– Полковник Гуров, – подойдя к водительской двери, предупредительно развернул он «корочки». – Мне необходимо задать вам несколько вопросов.

– Да, мне уже сказали, – спокойно ответил плотный светловолосый мужчина, мельком взглянув на фотографию. – Мы можем поговорить в машине, если вам удобно.

– Вполне, – кивнул Лев.

Краткое «мне уже сказали» сразу давало понять, что начальство бдит, и подчиненный, несомненно, уже получил необходимые инструкции о том, как следует вести разговор с любопытным полицейским. Поэтому, еще не начав разговор, Гуров почти не сомневался, что и здесь многого ожидать не стоит.

Устраиваясь на пассажирском сиденье, он успел довольно внимательно рассмотреть своего собеседника. Еще подходя к машине, Лев отметил для себя быстрые взгляды, которые водитель время от времени бросал сквозь стекло, как бы сканируя окружающее пространство. Эта привычка постоянно контролировать территорию вырабатывается у спецназовцев. Благодаря постоянным тренировкам она внедряется почти на уровне безусловного рефлекса и, оставаясь на всю жизнь, служит своеобразной «визитной карточкой» человека, когда бы то ни было проходившего спецподготовку. Солидная мускулатура, выпиравшая даже сквозь рукава осенней

куртки, дополнительно подтверждала догадку насчет «боевого прошлого» человека, которому было доверено возить столь важных персон.

– Как к вам обращаться? – спросил Гуров.

– Максим, – просто ответил водитель. – Можно на «ты».

– Хорошо, Максим. Меня зовут Лев Иванович, как ты уже, возможно, прочитал в удостоверении. Я хотел поговорить с тобой о Дмитрие Петровиче. Тебе уже известно, что произошло?

– Да, известно.

– Все говорят о самоубийстве. Но ведь подобные вещи не происходят ни с того ни с сего. В последнее время ты не замечал в поведении Дмитрия Петровича чего-то необычного?

– Нет. Все было как всегда.

– Опиши, пожалуйста, вчерашний день. С самого начала. Во сколько ты обычно приезжал за Дмитрием Петровичем?

– Я подъезжал к половине десятого утра, он выходил без двадцати или без четверти десять.

– В настроении Дмитрия Петровича не было ничего необычного?

– Нет, не было. По крайней мере, я не заметил. Отвез его в департамент и ждал до обеда. Обычно он обедает там же, на работе, но в этот день у него была назначена встреча, и мы поехали в «Арсенал». Это что-то вроде частного клуба. Закрытое заведение «для своих». Бильярд, ресторан. Дмитрий Петрович назначал там встречи, когда нужно было поговорить неофициально.

– С кем была назначена встреча в этот раз, ты, наверное, не в курсе?

– Разумеется, нет, – бросив удивленный взгляд на Гурова, ответил Максим.

– Хорошо. Что было дальше?

– Ничего особенного. После обеда он вернулся в департамент и в этот день больше нигде не ездил. Вечером я отвез его домой.

– Точное время не припомнишь?

– Около половины девятого. Приблизительно так он всегда и возвращался. Иногда попозже, иногда пораньше. Такое, чтобы до одиннадцати задерживался, бывало редко.

– А чтобы приезжал раньше девяти?

– Это еще реже. Из департамента мог уехать раньше, но тоже, как правило, по делам. Чтобы рано вернулся домой, такого как-то и не припомню даже. Разве что когда жена у него умерла. Тогда да. В тот день он уехал с обеда, а потом еще на неделю отпуск взял. Но это случай исключительный.

– Да, разумеется. А ты, значит, долго работал с Дмитрием Петровичем?

– Да, почти четыре года.

– Все говорят, что он был человеком очень замкнутым и сдержанным. Как, по-твоему, это соответствует действительности?

– По-моему, соответствует. Лишнего он никогда не говорил и к разным там душевным излияниям не был склонен. Что до меня, так лучшего и желать не надо. Зато и не хамил, и не орал никогда. А то некоторые знаете как... Изгаляются по всей своей воле. А этот нет. Нормальный был мужик.

– После смерти дочери он сильно изменился? – спросил Лев.

– Нет, не очень. Только еще молчаливее стал. И мрачнее. Угрюмость какая-то появилась, отчуждение. И, похоже... тут я, правда, утверждать не могу... Но мне показалось, что в последнее время он спиртным, как бы это сказать, слегка злоупотреблял. Не то чтобы прямо-таки пьяным на работу ходил, но иногда запахок ощущался довольно заметно. Временами даже по утрам. Раньше я ничего такого не замечал. Хотя, с другой стороны, оно и понятно.

Считай, самых близких людей человек лишился. Тоже, наверное, непросто ему было все это в себе носить.

– Да, наверное. Может, это и подтолкнуло к самоубийству?

Максим ответил не сразу. Почти минуту он напряженно о чем-то думал, глядя прямо перед собой, потом проговорил:

– Насчет этого не знаю. Вчера все было как всегда, ничего необычного. И даже запахов никаких посторонних я не чувствовал. Отвез его домой, видел, как он вошел в подъезд. Настроение у него было обычное. Мрачное, но обычное. Ничего неординарного. Может, вечером что-то произошло. Не знаю. Странно это все как-то.

– То есть ты хочешь сказать, что по характеру такой человек, как Рябов, не был склонен к экстравагантным поступкам?

– На мой взгляд, нет. Но... Не знаю. Может, действительно что-то из ряда вон выходящее случилось.

– Если я правильно понял, он регулярно посещал могилу жены, а потом и дочери. На кладбище возил его ты?

– Да, в основном. У него, правда, была и своя машина, но он на ней почти не ездил. Говорил, что не любит этой нервозности. Мол, привык уже по дороге обдумывать разные вопросы насущные и за рулем, когда надо за всем следить и смотреть сразу во все стороны, чувствует себя некомфортно. Так что и на кладбище его возил обычно я. Чаще всего в обед. Иногда днем, если удавалось выкроить время.

– Но поздно вечером никогда?

– Нет. Что там делать ночью?

– А кроме кладбища, куда-то еще Рябов ездил по личным делам на этой машине?

– Практически нет. Иногда в рестораны да вот в «Арсенал». А так в основном все пункты назначения были официальными. То есть, конечно, за исключением разных «корпоративов». Но это уж, как говорится, святое. К тому же там, как правило, все те же «знакомые лица» и присутствовали, так что поездкой «по личным делам» это назвать трудно.

– Тебя послушать, так просто образ какого-то пионера вырисовывается, беззаветно преданного делу. С утра до ночи на работе, вредных привычек не имеет, в порочащих связях не замечен, – усмехнулся Гуров.

– Я говорю то, что сам знаю, – не поддержал его шутливый тон Максим. – В привычки его я не вникал, и о своих связях он мне не докладывал. Мое дело – доставить до места и проследить за безопасностью. Режим дня у него был именно такой, как я сказал. Из дома он уходил около десяти и возвращался после девяти. В течение дня бывал в разных местах и, кроме рабочих дней, имел и выходные. Но лично я в бордели его не возил ни разу, так что, если вы об этом, с такими вопросами не ко мне. По работе он мог отправиться куда угодно, но с кем именно встречался и какие вопросы обсуждал, я не знаю.

– Хорошо, Максим, я понял, – остановил Лев этот словесный поток. – По-видимому, мнение о предыдущем начальнике у тебя сложилось положительное.

– Да. Сложилось. Работать с ним было комфортно, и разных там идиотских выходок или претензий не по делу, о которых ребята рассказывают, я от него никогда не видел. А если вам нужен отрицательный отзыв...

– Да не нужен мне какой-то специальный отзыв, мне нужно разобраться. Вот ты говоришь, что вчера все было как обычно. А человек в итоге пулю себе в лоб пустил. Неувязочка, согласись?

– Да, это... это так. Непонятно, – нахмурившись проговорил Максим. – Но если и случилось что, то уже после работы, после того, как он домой вернулся. Потому что, когда я его привез, он был нормальный.

– Ты говорил, что вы ездили в «Арсенал», где Рябов обычно назначал «неформальные» встречи. Как, по-твоему, эта встреча не могла повлиять на его настроение? Когда он вернулся, ты не заметил чего-то необычного в его поведении? Как вообще выражалось его волнение? Я понял, что это был человек очень сдержанный, но ведь не деревянный же. Пускай до потолка не подпрыгивал от расстройства, но как-то, наверное, все-таки реагировал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.